

*(Не)ограниченный
контроль*

Лисс Тая

Тая Лисс

(Не) ограниченный контроль

<https://litres.ru/74022716>

SelfPub; 2026

Аннотация

ОДНО ПРАВИЛО ИДЕАЛЬНОГО МЕНЕДЖЕРА:

никогда не заводить романов с клиентами.

Тамара нарушила его еще до того, как узнала, с кем имеет дело.

Она поддалась импульсу лишь раз. Один страстный вечер с незнакомцем в южном городе. Тамара сбежала, вернувшись к своему «правильному» миру и стабильной работе.

Но вскоре дверь её офиса открылась, и на пороге появился ОН. Её новый подопечный. Популярный музыкант Левани Берия, которому она должна организовать тур. Он дьявольски талантлив, чертовски упрям, и совершенно точно не собирается забывать тот вечер.

Она будет выстраивать между ними профессиональные стены. Он - разрушать их одним взглядом. Кто победит: холодный расчет или хаос, в котором рождается новое?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Тая Лисс

(Не) ограниченный контроль

Тая Лисс

(Не) Ограниченный контроль

Глава 1.

Грохнув дверью купе, ставлю на столик стакан с чаем для своей «соседки» и сажусь как можно дальше. Вот плохо, что мы одни! Так бы залезла на верхнюю полку и к стеночке отвернулась. А тут – всё равно разговаривать придётся.

Поезд мягко покачивается, ложечки позвякивают о стекло. Раздражает.

– Долго ты дуться будешь, Томусь? – не отстаёт моя попутчица и инициатор поездки.

– Да чтоб я ещё хоть раз тебе поверила! – негодную я, машинально подсыпая сахар: Марине – один пакетик, себе – ничего.

– Ты так каждый раз говоришь, – бубнит про себя Маринка, но я слышу. – Но потом классно же всё получается!

– Когда? Когда это классно получалось? – вновь закипаю, громко постукивая ложечкой о стенки стакана, – может, когда ты меня вынудила за тебя философию сдавать?

– Ой, подумаешь, это когда было вообще! Герман Алексе-

евич так впечатлился, что в аспирантуру к ним зазывал потом!

– Веня твой тоже впечатлился, – вспыхиваю я, но уголки губ предательски вздрагивают.

– Пф-ф-ф, давно этого прилипалу отшить хотела, а тут как по заказу: полез целоваться к моей сестре! – заливисто хохочет.

– Не сдержавшись, тоже прыскаю от смеха: и вправду тогда уморительно получилось – образцовый вышел скандал. Бедный парень долго сообразить не мог, почему Маринка, от которой он сроду по философии ничего умного не слышал, вдруг за пояс заткнула седовласого профессора, рассуждая о Канте. А потом – почему уворачивалась от поцелуев, которыми он её поздравить решил, а под конец и вовсе «раздвоилась» в его глазах, когда в коридоре появилась настоящая «экзаменуемая».

Маринка, тут же почувствовав «слабину», резко и бесцеремонно на мою полку перебирается, обниматься лезет:

– Тамарик, ну я же как лучше хочу! – она умилительно, как провинившийся щенок, заглядывает в глаза.

– Вечно ты меня втягиваешь во всякую ерунду! – пытаюсь держать оборону я, – вот зачем врать было?

– А так бы ты сроду не поехала!

Ладно, тут сестра права. Если бы она не подсунула мне блестяще свёрстанную брошюру о профильной конференции, я бы ни на какой концерт не поехала. Видать, кого-то из

сокурсников с дизайна попросила. Впрочем, сама я и виновата – даже не удосужилась в сети информацию проверить. Вообще на меня не похоже.

Вот ещё новости: в разгар сезона, когда у агентства горят три тендера, срывать фиг знает куда за какой-то блажью. Подумаешь, музыка! Да мне много чего нравится. Я, может, эклеры с заварным кремом до потери тапочек люблю и спать до обеда в полной темноте. Так что ж теперь? Бросить проекты и объедаться пирожными круглые сутки?

В моем словаре главное слово – «надо». А на спонтанные глупости у меня нет ни времени, ни морального права.

Придумала тоже: билеты подарила! У меня ведь не день рождения даже. *«Это тебе сейчас, но как будто на день рождения»*. Нашла тоже повод. И ладно бы у нас в городе, так нет, почти 16 часов от столицы!

Что с неё взять: как есть – дитё, хоть и двадцать уже. На десять лет младше меня всего, а, кажется – на целую жизнь. Но если по внешности судить: кто нас порознь встречает – путает. Это, когда рядом, заметно, что я старше. Мы – как двойняшки, обе черноволосые, кареглазые, с одинаковым упрямым изломом бровей. Довольно светленькая мама будто «мимо проходила», всё папино.

Маринка брови хмурит:

– Ты уже года три в отпуске не была, Том. – Три года! Сколько можно? – выдаёт она, обхватывая колени руками. – Так и до больнички недалеко. Раз в сто лет можно себе поз-

волить просто выдохнуть! Загонишь ведь себя в свой идеальный гроб из графиков и райдеров. Я уже взрослая. И я хочу, чтобы моя старшая сестра наконец позволила себе что-то просто так. Для себя. А не потому, что вечное это твоё «надо»! Ты же сама слушала этого чувака, я видела, как ты его песни в плейлист сохраняла...

Ого! Вот это монолог!

«Просто так... для себя»?

Я отворачиваюсь к окну, за которым мелькают смазанные зелёные пятна лесополосы. Сердце неприятно сжимается. Я ведь... должна о ней заботиться.

После той аварии, в которой не стало родителей, у нас не осталось никого. Бабушка оформила официальное опекунство, чтобы нас не разлучили, но переезжать к ней в крошечную «двушку» в пригороде мы не стали – здоровье у неё было уже не то, она бы не потянула шепутную восьмилетку и студентку. Да и мне тогда восемнадцать исполнилось. Юридически – взрослая.

Маринка не знает, не помнит, как я сидела в подсобке единственной конторы, куда меня взяли без опыта, и пересчитывала копейки, чтобы нам обеим хватило на гречку с нормальным мясом. Как ночами, отпиваясь дешёвым растворимым кофе, который теперь на дух не переношу ни в каком виде, учила конспекты, пока она спала. Слушала её беззаботное, ровное сопение и...

Не злилась, нет.

Просто до одури хотелось так же: закрыть глаза, выдохнуть и знать, что всё решит кто-то большой и сильный.

А пришлось – мне.

Жаловаться, в общем, не на что. Пенсию по потере кормильцев удалось оформить. Чтобы её не потерять, нельзя было переводиться на заочку, но я умела договариваться, и свободное посещение себе обеспечила. Бабушка исправно присылала деньги с пенсии – за это я ей благодарна до сих пор. После окончания университета я впахивала как проклятая, начав девочкой на побегушках.

Сейчас нам всего хватает.

Но чтобы вот так – спустить приличную сумму и два дня времени на какую-то эмоциональную прихоть? Да у нас обязательных покупок ещё вагон! Маринке пуховик надо сменить к зиме, сапоги осенние присмотреть, а к её институтской практике пару строгих костюмов взять, чтобы первое впечатление на работодателей производить...

– Чего молчишь? – сестра толкает меня в плечо, выдергивая из мыслей. В её голосе проскальзывает обида, – я для тебя старалась, а ты-ы-ы... Разве так можно вообще? У тебя, небось, и на собственные похороны уже чек-лист готов с пометкой «строго по таймингу»!

Маринка вдруг меняет тактику и тянется к моей голове:

– Ты же такая красивая, но даже волосы в хвост этот вечный собираешь, всё у тебя, чтоб ни волоска не торчало!

– Это-то здесь при чём вообще? – удивляюсь я, – Чем тебе

волосы мои не угодили?

Но Маринка уже ловко стягивает с меня тугую резинку. Кожа головы мгновенно отзывается легкой, непривычной болью – волосы так долго были стянуты, что распущенными кажутся тяжёлыми, чужими. Сестра взбивает мои локоны пальцами и силой разворачивает меня к зеркалу на обратной стороне купейной двери, приговаривая, какая я роскошная и сколько всего себе совершенно зря не разрешаю. Вот только не понимает, дуручка, что без дисциплины вряд ли мы выкарабкались бы тогда, и хоть что-то себе сейчас позволить могли.

А так – я от подработки практически к партнёрству в продакшн-компании полного цикла пришла. И уж точно не за счёт внешности.

Кому она вообще нужна, эта красота? Ну, губы пухлые, свои, глаза большие, а дальше-то что? В моей профессии от такой внешности одни проблемы: подрядчики и заказчики вечно воспринимают молоденькой дуручкой, которой место на ресепшене. Каждому второму приходится доказывать, что «не верблюд».

– Расслабься, пожалуйста! Хоть на эти два денёчка! – складывает руки в умоляющем жесте сестра, – Мне так хочется, чтобы мы отдохнули с тобой! Чтобы, как в детстве, помнишь? Я так по тому времени скучаю...

И я против воли киваю. Хитрюга невероятная. Даже карты раскрыла передо мной только за час до прибытия поезда в

точку назначения: что не рабочая это поездка.

И сейчас... Я ведь тоже скучаю. Мы всегда, несмотря на разницу в возрасте, дружными были. Не ругались никогда. Я в институте уже училась, а она, мелкая, всё порывалась мне помочь с подготовкой к семинарам. Смешная. Потом заступалась за неё во дворе. Нас даже «Тамаринками» звали: вечно мы «неразлучниками» были. Фадеевские «Тамаринки» ... Я медленно выдыхаю, чувствуя, как ослабевает натянутая внутри струна. Смотрю на эту несносную девчонку, ради которой, если честно, готова перегрызть глотку кому угодно, и сдаюсь.

– Ладно, давай на выход собираться, почти 5-20, прибываем скоро, – начинаю вытаскивать аккуратную дорожную сумку с явно теперь не нужным ноутбуком, – могла бы, раз уж не командировка, хоть поезд, попозже прибывающий, выбрать...

– Не ворчи! Ты бы мне не поверила тогда, – делает большие глаза Мариша и закидывает на плечи свой неизменный рюкзак.

Мне показалось, что в её глазах я вдруг увидела себя – такую, какой не помнила. Растерянную. Живую.

Я отворачиваюсь к столику и беру свой крепко заваренный чай. Делаю глоток. Поезд на стыке рельсов дёргается чуть сильнее обычного. Горячая капля срывается с края стакана и падает прямо на салфетку, мгновенно расплываясь безобразным тёмным пятном.

Перфекционист во мне недовольно морщится.

– Расслабься, Тома, – мурлычет Маринка. – Всего два дня.

Что может случиться?

Я комкаю испорченную салфетку, потом перевожу взгляд на своё отражение в купейном зеркале. Незнакомая девушка с распущенными волосами смотрит на меня в ответ.

Действительно. Всего два дня. Послушаем концерт, погуляем и вернемся.

Что может пойти не так?

[ТРЕК: Выше домов – Сироткин¹]

Глава 2.

Южный город обрушился на нас плотным, липким зноем и оглушительным гомоном вокзала. Стоило шагнуть с подножки поезда, как лёгкие заполнил запах раскалённого асфальта, сладкой ваты и пропылённого ветра.

– Издеваетесь, в центр? – вслух возмутился таксист, с недовольством закидывая наши сумки в багажник. Сев за руль, он продолжил бубнить себе под нос. – Вот мне с вами не повезло. Ненавижу центр! Ни парковки, ни черта, лезут все...

Потрясающее «гостеприимство». Как-то не задаётся всё с самого начала: машину еле нашли свободную, ценник – stolичный, да ещё с претензиями.

Но дальше... неожиданно «переключившийся» водитель

¹ У каждой главы – свой трек. Можно слушать сразу, а можно – по общему QR-коду в конце книги

насоветовал классных мест, гулятельных парков, кафешек. К гостинице мы подъезжали уже чуть не лучшими друзьями, а сумки он нам донёс едва ли не до самого номера, хотя весили они всего ничего. Чудно.

– Это он просто разглядел тебя наконец, – хихикая, шепнула мне на ухо сестра, когда дверь за таксистом закрывается. – И подобрел.

– Скорее – тебя, – искренне рассмеялась я.

Гостиница оказалась терпимой. Я, конечно, отметила дешую фурнитуру и застиранные полотенца, но постельное бельё оказалось чистым, а кондиционер работал исправно, гудя, как старый трансформатор.

Пока прохладная вода в душе смывала с меня дорожную пыль, я пыталась выстроить в голове чёткое расписание на день. Но, как выяснилось, Маринка уже всё решила. Пока я в Москве готовилась к мифической «конференции», эта изобретательная девчонка исследовала все местные достопримечательности, выписала лучшие парки и составила маршрут.

– Сейчас пройдемся немного, вот тут скверики и парк красивый, потом позавтракаем нормально, чтобы с местным колоритом, и на набережную. Там трамвайчики речные и катера – на какой-нибудь да успеем! – радостно тарахтела она, роясь в сумке.

Я замерла с полотенцем в руках.

– Что значит, «на какой-нибудь»? Ты что, билеты заранее не бронировала? – я нервно дёрнулась. Что за неопределён-

ность?

– Да там на месте всё! Вдруг мы в кафешке задержимся? Если на большой кораблик не успеем, с частниками поплывём, там есть наверняка. И даже перед концертом отдохнуть и переодеться успеем! Времени – вагон. А что не успеем – завтра ещё посмотрим. – Маринка выудила из недр сумки ворох пёстрой ткани. – Так, вот это платье надевай!

– Да оно по земле волочится, если без каблуков! Как ты его в сумку-то мне запихнуть умудрилась, я же не ношу его вообще! – офигела я, разглядывая эту безумную роскошь с бахромой и тесёмками.

– Ты в нём – как цыганка, обалденная! – мелкую не оставь.

И вот мы – донельзя нарядные – уже исследуем город. Первым делом – парк рядом с гостиницей, а уж оттуда в знаменитое местное заведение, про которое даже модную кулинарную передачу снимали.

Подходя к кафе, неловко цепляю подолом платья собственный же ремешок босоножки и чуть не падаю. Уф! До чего бестолковое платье! Бахрома ещё эта, тесёмки... как я его купила-то вообще? Вещь, всё-таки, практичной должна быть в первую очередь. А тут – травмоопасная, скорее.

– Девушки, что ж вы, ещё аперитив наш не пробовали, а еле идёте? – шутит у входа официант, ловко перехватывая инициативу, и провожает нас к столику на летней веранде.

– Тут надо раков есть, я читала! – Маринка уже с головой

ушла в меню. – Они у них по особым рецептам, обязательно надо взять.

– Да я их и есть-то не умею, не пробовала никогда, – я скептически нахмурилась. Позориться совершенно не хотелось.

– А мы поможем! – тут же материализовался у нашего столика вездесущий паренёк. В руках у него, очевидно, тот самый приветственный аперитив. – Милые дамы, позвольте угостить нашими лучшими настоечками. Мягкие, на малинке и ежевике, сами делаем!

– Да время-то, десяти даже нет! – искренне возмутилась я. – Кто же с утра пить-то начинает?

– «Кто празднику рад, тот заранее пьян!» – со смешком парирует официант.

– Петя, – читаю я с его бейджика, – это какой же сегодня праздник-то?

– Желаете, календарик принесу? – не сдаётся Пётр, – вчера вот День взятия Бастилии отмечали...

– Так! Я пить не буду, что ещё за... – прерываю я, но и меня перебивают:

– Не будешь? Ну, я, значит, обе рюмочки выпью! – тут же опрокидывает первую в себя и бодро тянется ко второй Маринка.

– Дай сюда, – отбираю у неё настойку, и сама выпиваю, чтоб ей, дурочке, не досталось. Не хватало ещё, чтобы на жаре потом развезло. А я виновата буду?

Дальше заказываем хвалёных раков и нам, как маленьким, повязывают специальные фартучки, чтобы не пачкаться. Еле выбрали: раки тут и варёные в стауте и сметане, и – по-грузински, с ткемали, кинзой и хмели-сунели... Глаза разбежались! Взяли «сибирских» – с белыми грибами, подберёзовиками и клюквой. Такого я точно никогда не пробовала! Интересный получается «завтрак».

– Вот так отрываете клешни ему и подвижные части, – поясняет Петя, тут же демонстрируя на «образце», – дальше вот этим ножом с круглой прорезью клешни разламываете: там тоже сочное мясо. Вот, пожалуйста. Потом хвост, вот так, отделяем и этой тоненькой вилочкой мяско из разделённых частей достаём. Под хвостом – самое ценное, ещё икра, бывает, попадает, смело ешьте!

Вкусно! И чего я их раньше не пробовала? Правда, стоило Пете уйти, как наша с сестрой ловкость куда-то испарилась, но мы всё равно остались сытыми и довольными и, позавтракав, собрались уходить.

Марина ещё прихватила в стаканчиках с собой лимонад на нас двоих. Предусмотрительно: после раков – жарко! Да и на улице, хоть и утро ещё, прохлада уже не ощущается: южный в этом году июль везде.

– Эй, он алкогольный! – возмущаюсь я, втянув сестричкиного «лимонада» через трубочку.

– Ой, да? – невинно поднимает брови та и тянется к трубочке, делая щедрый глоток, – Надо же, перепутали, навер-

ное! Но не вернёшь же, я слюней уже туда напускала.

– Коза! Специально ведь! – хмурюсь я на её «ангельский» вид.

А та уже несётся по городу дальше, прихватив меня под локоть и вещая о местных красотах, будто заправский гид. Надо будет ей стажировку у нас предложить по окончании вуза.

Город красивый, большой. Все спешат куда-то, только в парках замедляясь. Их тут полно разных, да и просто по улицам – деревьев много, всё буквально в зелени утопает. Клумбы, фонтанчики – красота! К набережной ближе попадаем на пешеходную улочку: тут на каждом шагу – милейшие летники, всё в цветах и огоньках иллюминации. Вечером волшебно, наверное, когда в темноте светится всё.

– Горячая кукуруза! – уже на набережной зазывает продавщица с ярко оформленной тележкой.

Чувствую себя, будто и вправду – в приморском городке, в отпуске! Даже с реки – не просто влагой – бризом морским тянет! Чайки, кукуруза эта, все гуляют – расслабленные и нарядные. Кафешки, аттракционы, зазывалы – точно, как на юге.

– Я сейчас по кораблику пойду узнаю, а ты пока мороженого мне возьми, – кивает на киоск Марина, – тебе даже не предлагаю, всё равно не будешь.

– Всё ты знаешь, – отвечаю в спину убегающей сестры.

Беру ей два шарика в вафельном рожке. Щедро политые

топпингом и присыпанные орешками, даже меня манят, но держусь. Надо очки солнечные достать из сумки, а то солнце слепит уже. За этим и направляюсь к ближайшей лавочке: с мороженым рыться в ней неудобно.

– Блин! – чуть не падаю я, снова зацепившись подолом.

Надо же, зараза какая! Делаю ещё шаг, но ремешок, издаваясь, намертво застревает! И сразу мешает всё, ужас: волосы, которые я по совету сестры так и не собрала. Лезут везде, уф! Солнце бьёт в затылок. Мороженое, чтоб его... В солнечном сплетении разрастается досада. На себя. На это цыганистое платье. На Маринку, которая заранее не купила билеты.

Перекинув наконец волосы на левую сторону, правой рукой, незанятой мороженым, пытаюсь отцепить подол. Почти теряю равновесие, балансируя на одной ноге, как цапля. Что ж такое! Не отцепляется! Сумка теперь с плеча сползает, так и...

– Не дёргайте, порвёте же! – раздаётся совсем близко.

Я вскидываю глаза на окликнувшего меня парня. А он уже деловито опускается передо мной на корточки. Его руки – уверенные, спокойные – аккуратно высвобождают из моих сжатых пальцев ткань платья. Он хмурится, разглядывая хитросплетение тесёмок и застёжки.

Да я и сама прекрасно справилась бы!

– Та-а-к, поднимите, пожалуйста, ножку немного, – просит молодой человек, а у меня – дежавю.

Голос. Невероятный какой-то... Терпкий? Будто по коже сильными, грубоватыми, мозолистыми пальцами ведёт. Почему такая ассоциация? Остро. Так бывает, если завязать глаза: все остальные органы чувств обостряются до предела. Этот голос... он будто слегка царапает. Изнутри. Рождая едва уловимое покалывание, которое нарастает с каждой секундой. Фух. Как-то душно.

– Девушка? – снова окликает парень, переводя на меня сосредоточенный взгляд, – Мне просто не видно, что там...

Ох. Глаза у него... Мне их отчего-то сразу до мельчайших крапинок видно. И кроме них – ничего. В обрамлении густых, чёрных ресниц, светлые вроде бы, но – с темноватой окантовкой радужки и – как в разноцветном минерале – с какими-то светловатыми, произвольными вкраплениями. Будто туманность космическая. Нет... Не туманность. Я такое в камне каком-то видела на выставке минералов: там и голубой, и синий – до черноты практически, но лишь незначительными «мазками», а ещё – с желтоватыми крупинками «песка», словно буря добралась до берега и вот так – застыла.

Ужасные совершенно глаза. Бездонные какие-то. Поглощающие. Смотреть в них невозможно, но и взгляд отвести – никак: сказать ничего не могу и краснею мучительно.

Помощник мой незванный, не договорив, как-то с усилием сглатывает и, отводя глаза, произносит:

– В-вы... к-хм... ногу... вот, – снова возвращаясь к подолу, проговаривает.

И я, как под гипнозом, поднимаю её, тут же ощутив обжигающее прикосновение. Сухой, наэлектризованный жар, от которого по икрам вверх резануло. Еле удерживаюсь, чтобы не отдёргнуть конечность, пока он едва уловимыми движениями пальцев что-то там с ремешком сделать пытается. Руки эти... как голос – что-то внутри меня «царапают». Задевают. Я, кажется, вся уже в мурашках. Хорошо, что платье длинное. Что ж такое вообще?

– Так не получится, – выдаёт молодой мужчина, убрав, наконец, пальцы от моей ноги.

Я даже выдохнуть не успела, надеясь сбросить это внезапное напряжение, как он встал и... совершенно обыденно подхватил меня на руки. Даже возмутиться не успеваю! Совершенно незнакомого человека! Взял и схватил! И сказать ничего не могу, только рот открываю, но – ни звука!

– На лавочке проще будет, – кивает в сторону той самой, к которой и я изначально шла, и несёт.

– Я... я и сама могу, – с трудом овладеваю голосом.

– Порвали совсем бы платье, – невозмутимо двигается в сторону лавочки вместе со мной, будто я не вешу ничего, – красивое же.

И глядит при этом не на платье, а на меня. Прокашляться хочется. Под ноги бы смотрел! Зачем так... пристально? Пытаюсь сделать вдох – и воздух застревает где-то в горле, комком. Приходится выдохнуть ртом, и получается слишком заметно.

Слава Богу, до лавочки дошёл. Хм. Даже не запыхался. Во мне, вообще-то, 55 килограмм! А это, между прочим, мешок сахара с довеском! Устраивает меня прямо на спинке лавочки и на моё недоумение совершенно обыденно поясняет: так, мол, тесёмки проще будет высвободить.

А я... снова теряю все слова и молча наблюдаю, как он споро принимается за моё проблемное платье, сидя на этой же лавочке, но ниже – на сидении. И мне вдруг, совершенно иррационально, нелогично, дико захотелось провести рукой по его волосам. Жгучим, как смоль, слегка выющимся, совершенно естественно растрёпанным.

Пальцы сами собой сжимаются в кулак. Я прячу его за спину, потому что ещё секунда – и я бы, кажется, дотронулась до его затылка. Просто чтобы узнать: жёсткие волосы на ощупь, как кажутся? Странное желание, неправильное...

Парень хмурится и... шумно выдыхает через рот. Недоволен? Сам же вызвался помогать!

Но меня от его тяжёлого выдоха буквально подбрасывает. Его пальцы всё ещё касаются моей щиколотки, и от этого нога стала сверхчувствительной, а этот выдох... Уверена, если бы не удалила лишние волоски лазером, они бы сейчас встали дыбом. Внезапный озноб пробрал от шеи до самого копчика.

– ... не растаяло совсем, – вдруг донеслось до моего затуманенного сознания. Я вздрогнула и с удивлением обнаружила в своей руке мороженое.

Чтоб его! Напрочь забыла, а оно прилично уже подтая-

ло. Как ещё не перепачкалась! Быстро себя оглядываю. Нет, вроде нет. И ведь даже не расслышала, что он до вопроса про мороженое говорил. Сумасшествие какое-то!

Быстро слизываю с вафельного рожка «лишнее». С одного края уже по пальцам потекло. И топпинг ещё! Салфеток нет, как назло! Приходится губами собрать подтаявшее. Фруктовое, как по мне, слишком приторное, но спасти ситуацию надо.

– Спасибо, что сказали, забыла про... – отвечаю и осекаюсь.

Лучистые глаза стремительно меняются. Та самая буря, о которой я подумала в первую секунду, как будто действительно надвигается, поглощая свет.

Я вздрогнула, когда на моей ноге вдруг порывисто и крепко сжалась горячая ладонь.

В ушах зашумело. На секунду яркий мир набережной потускнел, будто кто-то выкрутил звук на минимум, оставив только глухой стук моего сердца.

«Беги, – шепнул внутренний голос, который всегда знал, как избежать катастрофы. – Тамара, беги».

Но я не могла даже сделать вдох.

[ТРЕК: Tango – Composition – Mgzavrebi]

Глава 3.

– О, мороженка! – оглушил меня жизнерадостный вопль подошедшей со спины сестры.

Маринка бесцеремонно выхватила у меня рожок, мгно-

венно разрушая тот зыбкий, потрескивающий вакуум, в который я провалилась. Звуки южной улицы снова обрушились на барабанные перепонки.

– Фига-а-а-се у вас тут! – протянула она, переводя лукавый взгляд с меня на сидящего передо мной парня.

Я судорожно вдохнула, пытаюсь «перезагрузиться».

– Да вот... – откашлявшись, не слишком вразумительно пояснила я, поспешно пряча липкие от подтаявшего топпинга пальцы. Мой голос показался чужим.

– Ага, – сестра расплылась в улыбке и протянула моему «спасателю» свободную руку. – Я – Марина!

Парень убрал от моей щиколотки свои руки. Кожа в том месте, где секунду назад смыкались его пальцы, пульсировала, будто на ней оставили заметный след. Со скамейки он встал с улыбкой.

Боже, зачем улыбнулся вообще? Эта открытая, чуть кривоватая улыбка пробирала даже хуже, чем гипнотический, сканирующий взгляд.

– Ой, не-е-е, Вы ж сестру мою за ногу сейчас щупали? У меня-то руки чистые, – тут же прячет ладони за спиной.

– Я – Ле.. Лёва... – со смешком отвечает всё-таки парень.

Моложе кажется, когда улыбается. Сколько ему, интересно? Судя по лёгкой совсем, едва-едва коснувшейся тёмных волос седине – чуть за тридцать, наверное.

– А это вот – Тамара, моя сестра, – продолжает Маринка, будто я разговаривать не умею, и сверкает глазами, – но вы

тут, судя по всему, нормально уже познакомились.

– Марин... – начинаю возмущаться я, стремительно вспыхивая.

– О, не скучаешь, смотрю! – прервал меня подошедший к нашему новому знакомому мужчина и по-хозяйски кивнул на нас. – Девчонки?

Сразу нет. Такая откровенно «скользящая» усмешка, кричащая тонкие губы. Туда же острые скулы, глаза с постоянным, цепким прищуром, будто он всё время что-то высматривает и оценивает. Русые волосы щедро зализаны гелем, а кожа на лице до мерзкого гладкая, почти лакированная. Идеальный портрет подрядчика, который обязательно попытается обмануть со сметой.

– Это Вадим, – представляет Лёва, – а это – Тамара и Марина.

– Царица? – присвистывает Вадим.

– И я ей так говорю! – подхватывает набившую уже оскомину присказку сестра.

– Я договорился, – переключается на брюнета Вадим, – можно хоть сейчас уже плыть, как раз успеваем всё.

– Не шутите?! – восклицает Марина, – Вы о речной прогулке договорились? Так уплыл же основной теплоходик, а новый не добавили! И частников с индивидуальными не было же!

– Ты говорила, без проблем уплывём? – Хмурюсь я.

– Ну, подождать просто придётся, – грустно констатиру-

ет сестра, явно своё расстройство «направляя» на молодых людей.

Я мысленно застонала. Серьёзно? Вот так, на глазах у всех, не пойми кому навязываться? Незнакомцы. Чужой город. Разве можно вот так ехать куда-то с людьми, которых знаешь пять минут?!

– Давайте с нами, – ожидаемо предлагает Лёва, глядя на меня.

На меня вообще теперь смотрят все: и Вадим, не слишком приятно ухмыляющийся, и сестра моя – предательница, умилительно округлившая в просительном взгляде глаза, и Лёва... В нём ощущается столько странной, непонятной мне надежды. Он ведь красивый. Нет. Очень красивый. От девочек, уверена, отбоя нет. Но глаз не сводит, будто именно мой отказ может его по-настоящему ранить. Чуть какая, боже.

– Да, девчат, вы худенькие, катерок так-то трёхместный, но поместимся, а то потом дождь обещали, вряд ли кто поедет уже кататься, – прерывает мои странные мысли Вадим.

И вроде бы явного согласия не озвучиваю, но вот мы уже получаем безразмерные спасательные жилеты у небольшого катера и начинаем размещаться.

Вадим по-хозяйски занимает место рядом с «капитаном» прогулочного судёнышка. А нам троим остаётся небольшой кожаный диванчик прямо за спиной рулевого.

– Я с краю! – сразу заявляет сестра, – буду видео снимать!

Теперь ко мне с одной стороны прижимается Маринкин рюкзак, который та расслабленно держит на плече. А с другой тут же оказывается Лёва, чьё горячее бедро я ощущаю так, будто ни платья на мне нет, ни брюк – довольно плотных – на нём.

Мотор неровно, с затаённой угрозой, вибрирует под днищем. Звук взбирается по ногам, по позвоночнику и где-то в пояснице встречается с теплом от бедра парня. Я инстинктивно дернулась, пытаюсь отодвинуться, но Маринка намертво подпёрла меня рюкзаком.

Поворачиваюсь к парню, чтобы... не знаю... попросить отсечь? Некуда ведь. Так и застываю с невысказанной просьбой от того, каким напряжённым Лёва выглядит. Такой неподвижный, будто пошевелиться боится. Неужели морская болезнь?

Да какое мне, в общем, дело? Как дура себя веду! Голову всё-таки напекло, наверно: тёмные волосы быстро нагреваются на солнце, а шляпу я не додумалась взять. Всё! Надо на речную прогулку переключаться. Музыка, лето, красота же!

М-да. «Красота». Уже минут через десять после отплытия ветер поднимается такой, что волосы мои всех успевают отхлестать по щекам. *«Как хорошо тебе с распущенными, Том!»*, *«Зачем этот хвост, посмотри, как классно!»* Лучше некуда!

– И всё равно тебе с распущенными хорошо! – будто читая мысли, разворачивается ко мне сестра.

– Ты резинку не брала с собой? – пытаюсь не вспылить и кое-как выплевываю лезущие в рот пряди

– Зачем? Я свои остригла. Да стихнет сейчас ветер. – Успокаивает Марина, взъерошивая ультракороткое своё каре, пока я пытаюсь собрать собственную шевелюру в ко́су.

– И правда, хорошо, – с опозданием включается в странную беседу о волосах мой сосед, протягивающий снятый с руки чёрный кожаный браслет на шнурках, – но, если удобнее будет, можно закрепить.

В какой-то прострации тяну руку, совершенно не представляя, как этой мужской безделушкой можно зафиксировать волосы. Пальцы бестолково крутят шнурки.

– Помогу? – кивает на мои плечи Лёва, видя, что сестра отвлеклась на телефонный звонок.

И я зачем-то соглашаюсь, чуть разворачиваясь спиной к парню.

Глупое решение. Нет. Ужасное. Мне мгновенно захотелось сжаться, спрятаться, встряхнуться, когда большие мужские руки коснулись моих волос. Слишком близко. Пряди периодически соскальзывают на плечи, дополняя ощущение щекотки, невесомой ласки – такой бережной, что отчего-то чешется в уголках глаз. Шея постепенно оголяется, и я неистово надеюсь, что все эти лихорадочные ощущения можно списать на речную прохладу и ветер. Зачем я вообще ему позволила кјсу мне заплетать? Даже не уточнила, умеет ли. Но, кажется, умеет, и томительная пытка завершается,

когда браслет каким-то непонятным мне образом всё-таки закрепляет плетение.

– О! Классно вышло, где косы плести научились? – кладёт трубку сестра и кивает нашему соседу.

– У меня племянница, – тепло улыбается парень, а я неконтролируемо краснею. С чего? Вроде бы не крепким был коктейль.

Пальцы замирают. Секунда. Другая.

Время растягивается, превратившись в густую смолу. На миг показалось, что парень, замерев у моего затылка, считает удары моего сердца, колотящегося о рёбра. По спине пробежала ледяная, пробирающая до костей волна. Я нервно съёжилась и нарочито резко поправила ворот платья, лишь бы не выдать, что меня трясёт вовсе не от ветра.

– Готово, – выдохнул Лёва низко, но не убрал руку.

Надо бы сказать «спасибо», отодвинуться, вернуть дистанцию. Я открываю рот – и в этот момент его большой палец скользит по шейным позвонкам. Сверху вниз, едва касаясь, через ткань платья. От затылка до лопаток.

Я замираю, как и он. Мы оба не дышим.

– Там... нитка, – хрипло выговаривает он.

Ерунда. Нет там никаких ниток и быть не может. От его прерывистого дыхания у меня невыносимо тянет под лопаткой. Но я киваю. И не отодвигаюсь.

А в следующую секунду катер с силой резанул волну.

Меня резко отбросило назад, прямо на Лёву. Его лицо

всего на одно оглушительное мгновение оказалось так близко, что наши губы замерли в миллиметре друг от друга.

Ветер стих. Шум мотора провалился в вату. Мир замедлился до скорости одного тяжелого удара сердца. Меня качнуло вперёд. На полмиллиметра. А парень, встряхнувшись, резко отстранился. И мне наконец удалось с шумом выдохнуть застрявший в лёгких воздух.

[ТРЕК: JONY & Natia Rigvava – «На улицах Баку»]

Глава 4.

Катер набирает скорость, и ветер, до этого казавшийся просто ощутимым, становится порывистым, злым. Хорошо хоть коса теперь надёжно закреплена кожаным браслетом, иначе я бы уже ослепла от хлещущих по лицу прядей.

Небо над нами стремительно наливается свинцом. Типичный июльский юг: только что солнце плавило асфальт, а через полчаса – готовься к библейскому потопу.

Я вжимаюсь спиной в жёсткую обшивку диванчика и отчаянно жалею, что не взяла ветровку или хотя бы лёгкий жакет. У Маринки зуб на зуб уже не попадает. Стоп. Лето же, да и не обещали дождя, как можно было предугадать?

Ну, хотя бы волосы не лезут теперь в рот.

– Кажется, не стихнет! – кричит сестра.

Она сидит с краю и самозабвенно снимает всё на телефон. Каре в полном беспорядке, тёмные пряди падают на лицо, но ей всё равно: смеётся, шурит чайные глаза, небрежно отбрасывает волосы резким движением головы. В ней столь-

ко жизни, столько беззаботности, что я на секунду зависаю. Моя маленькая копия, только свободная и лёгкая. Не нужны ей сложности и проблемы. Пусть и не будет их подольше. Сделаю для этого всё. Я обязана.

Вадим рядом с капитаном что-то показывает вдаль, потом поворачивается к нам, подмигивает. Не доверяю таким людям. Вечно они чего-то хотят. И не всегда того, о чём говорят открыто.

– Не боитесь? – спрашивает. – Волна поднимается.

– Я ничего не боюсь! – звонко отвечает сестра. – А Вы?

– Как можно? – шутливо обижается мужчина. – А вот ваш сосед, кажется, переживает.

Я украдкой слежу за Лёвой. Он действительно сидит так, будто проглотил стальной прут. Не двигается вообще. Смотрит на тёмную воду с барашками прямо перед собой.

Разглядываю его профиль. Высокий лоб, чёткая, чуть упрямая линия челюсти, которая сейчас сжата с явным усилием. Замечаю, как дёргается его кадык, когда он сглатывает. За последние минуты парень не взглянул на меня ни разу. И это... странно. И почему-то неприятно. Потому что сначала, казалось, он вообще глаз оторвать от меня не мог.

Может, я ему... разонравилась?

Ох, ну что за глупости лезут в голову?! Никто никому не понравился. Мы ведь просто... случайно столкнулись. Он помог распутать дурацкое платье. Ничего такого.

Это всё утренняя настойка, а потом алкогольный «лимо-

над». И духота. Вот и плавится мозг.

– Дождь точно будет, – непонятно кому сообщает Лёва. – Но мы скоро причалим, да?

Залипаю на его руках. Пальцы длинные, тёмные волоски на руках, крупные суставы. Такие руки у тех, кто работает с инструментом. Рабочие, сильные руки.

– Чем Вы занимаетесь? – вопрос вырывается у меня сам собой, опережая фильтры приличия.

Лёва поворачивается ко мне быстро, будто только и ждал вопроса, и я снова теряюсь. Замираю от незащитной открытости, с которой он смотрит. Не по себе становится.

– Так, разное, – отвечает он уклончиво, явно уходя от прямого ответа. И добавляет, чуть запнувшись, словно пробуя моё имя на вкус: – А Вы? Тамара чем занимается?

Моё имя получается у него как-то совершенно по-особенному. С непривычным, мягким ударением в конце. Что-то среднее между сухим «Тамара» и певучим «Тамарí». Мурашки у меня теперь и от этого бегут?

– Работаю в продакшн-компании. У нас собственная техническая база, репетиционная студия. Делаем мероприятия любых масштабов. От технического сопровождения и продюсирования до менеджмента и реализации проектов.

– Звучит серьёзно.

– Есть такое. – поправляю всё-таки выбившуюся прядь. – Но я всё стараюсь предусмотреть, иначе – хаос. Не люблю хаос.

– А я люблю, – неожиданно говорит он, и тень улыбки трогает уголок его рта. – В хаосе рождается что-то новое. Неожиданное.

Не успеваю ответить на эту сомнительную философскую мысль. Катер в очередной раз резко «прыгает» на волне от пролетевшего мимо водного скутера. Меня опять швыряет вбок, прямо на Лёву. Приземляюсь грудью в его плечо и пытаюсь удержаться. Под моей распластанной ладонью с усилием поднимается его грудная клетка. Боже. Кажется, я буквально осязаю, как прямо под тонкой светлой майкой, отдаваясь в кончики моих пальцев, бухает тяжёлым набатом его сердце.

– Извините! – я в панике отшатываюсь, осознав, что задержала руку на его груди непозволительно долго.

Но он не даёт отстраниться. Ловит за талию, жёстко фиксируя на месте. От этого властного, уверенного захвата мне отчего-то становится страшно пошевелиться.

– Держитесь, – и выдыхает прямо в висок. – А то упадёте, да?

Его рука держит крепко. Я чувствую каждый чёртов палец на своём теле. Ткань моего летнего платья настолько тонкая, что слишком явное тепло его чужой, большой ладони ощущается излишне ярко. Мой пульс подскакивает до запредельных значений. Мозг сигнализирует, что это неправильно, нехорошо, но... мне до чёртиков не хочется, чтобы он убрал руку.

– Не упаду, – бормочу я, гипнотизируя взглядом палубу
А Лёва всё не убирает руку с моей талии. И на воду он
больше не смотрит.

Я не выдерживаю и поднимаю голову. Встречаю его
взгляд. Внутри всё с грохотом переворачивается, замирает
где-то в солнечном сплетении, а потом окатывает горячей
волной.

– У Вас глаза... – начинаю и осекаюсь, чуть не сморозив
несусветную чушь про небо в центре урагана.

– Что? – он моргает, сбитый с толку.

– Ресничка упала, – поспешно отворачиваюсь, чувствуя,
как пылают щёки. – Ветер.

Тот действительно усиливается, дует, кажется, со всех
сторон, несёт свежесть, запах дождя и... не сразу понимаю,
что это он, Лёва.

К его парфюму примешано что-то ещё. Что-то гораздо бо-
лее глубокое, резкое. Свежее, как разряженный горный воз-
дух после сильной грозы, но с осязаемой примесью чего-то
горького, дымного. Полынь? Сосновая смола? Не могу со-
образить. Но пахнет совершенно непривычно. Неправильно.
Опасностью пахнет.

И от этого запаха у меня невыносимо кружится голова. На
секунду, на одну короткую, совершенно безумную секунду,
в которой напрочь отключается обычное моё здравомыслие,
хочется зарыться носом в его плечо. Просто чтобы понять,
чтобы втянуть этот запах глубже.

Делаю глубокий вдох – и тут же себя останавливаю. Что я делаю? Нюхаю чужого мужчину? Ненормальная.

Дождь начинается внезапно. Крупные тяжёлые капли бьют по палубе, по нашим головам. Капитан что-то кричит сквозь шум мотора о том, что мы причаливаем.

– Бежим! – пока привязывают наше плавсредство, Маринка уже на ногах, хватая рюкзак.

На причал мы буквально выскакиваем и, пока ливень не накрыл окончательно, не сговариваясь бежим к ближайшему дереву. Тяжёлые, напитанные влагой тучи буквально обрушиваются нам вслед. Но крона старого развесистого тополя защищает, как и летний пиджак, накинутый на мою голову и плечи. Я даже не заметила, когда парень успел его снять и укутать меня. Просто в какой-то момент стало тепло, и запах ближе.

Мы вчетвером ютимся под деревом. Листва густая, но крупные капли всё равно пробиваются. Маринка звонко хохочет, отряхиваясь, как воробей, когда холодные струйки попадают ей за шиворот:

– Настоящее летнее приключение!

– Очень сомнительное, – мрачно бормочу я, пытаюсь выжать мокрый, тяжёлый подол своего несусветно длинного платья.

Лёва стоит совсем рядом. Его светлая майка промокла и прилипла к груди. Я, стараясь не пялиться, всё равно вижу чёткие контуры мышц. Вижу, как капли дождя стекают

с тёмных волос, катятся по шее, задерживаясь в ложбинке ключиц. Он вдруг ловит мой взгляд, наши глаза встречаются, и парень тут же поспешно отворачивается к своему другу, словно его поймали на месте преступления.

– Там кафе, – Вадим щурится сквозь стену дождя и показывает рукой куда-то в сторону. – Вон, за кустами. Может, зайдём переждать? Девчонки не против?

«Против!» – всё во мне буквально кричит об этом. – «Мы не знакомы! Мы в чужом городе! Нам никто чужой не нужен!»

– Только «за»! – Маринка, даже не задумываясь, хватается «скользкого» Вадима за руку и с радостным визгом несётся ко входу в кафе. – Том, давайте бегом!

Я обречённо вздыхаю. Достая из сумочки маленькое карманное зеркальце. Картина маслом: помада почти сошла, тушь предательски потекла, оставив под глазом тёмные разводы, а на щеке вообще красуется какая-то чёрная полоса. Прекрасно.

– Подождите секунду, – командую я в пустоту, лихорадочно роюсь в сумке. Достая упаковку влажных салфеток, которую перед катером конфисковала у сестры.

И тут понимаю, что Лёва не побежал вслед за Вадимом и Мариной.

Он остался под деревом. Со мной. От этого осознания где-то внутри, под рёбрами, растекается что-то необъяснимо тёплое и совершенно идиотское. Он стоит в двух шагах, под

проливным дождём, и я вижу, как украдкой косится на меня.

Потом делает шаг и вдруг протягивает руку.

– У Вас тут... – проводит пальцем у себя над губой, и я невольно смотрю на его рот. В горле пересыхает. – Салфеткой не стёрлось.

Тру снова.

– Спасибо, – он кивает и, продвигаясь за мной, придерживает за талию. Делаю вид, что не замечаю, да и скользко ведь. А у меня подол в тесёмках путается. – Платье идиотское.

– Платье красивое, – тихо говорит Лёва. И замолкает. Потом добавляет, будто через силу: – Вы в нём...как... не знаю даже.

Не похоже на комплимент, но парень только вздыхает и убирает руку, так и не найдя нужного слова.

Странный. Красивый – и странный.

Кафе оказывается маленьким, наполненным ароматами кофе, корицы и мокрой древесины.

Мы размещаемся за тесной барной стойкой: остальные столики заняты – не только мы переживаем дождь. Вадим устраивается рядом с Мариной, а ко мне придвигается Лёва, которого, несмотря на его немногословность, в моём личном пространстве уже многовато. Его колено – в миллиметре от моего. Если я чуть-чуть подвинусь – коснёмся. Не двигаюсь.

– Вы дрожите, – говорит он и протягивает пиджак, тот, что я уже вернула.

– Не надо, сами замёрзнете!

– Не спорьте, – он качает головой. – Я не сахарный, не растаю. А Вы так красивая, Вам нельзя болеть.

Он произносит это «так красивая» с лёгкой, почти незаметной грамматической запинкой. Пиджак почти не намок и ещё хранит тепло. Я запахиваюсь и вдруг понимаю – парень смотрит не на лицо, а на ворот, который касается моей шеи. Смотрит так пристально, что внезапно сам густо краснеет. Резко ведёт широким плечом, будто ему вдруг стало невыносимо холодно. А я ведь говорила! Мощный кондиционер над барной стойкой работает так агрессивно, будто сорокаградусная жара на улице и не кончилась вместе с дождём.

– Лёв, ты бы ещё одеяло предложил, – поворачивается к нам Вадим, разбивая тишину. – а то пиджак – как-то несолидно.

– Прекращай, – тихо отвечает парень, но без злости. Скорее, сконфуженно.

– Обижаешься? – мужчина хмыкает и обращается к Марине. – А Ваша сестра, видно, девушка серьёзная.

– Тома у нас ответственная, – с вызовом отвечает та. – Не то что некоторые.

– А я что? Я ничего, – Вадим поднимает руки, будто сдаётся, но взгляд – недобрый. – Приятно посмотреть на девушек, которые **знают**, как всё организовать.

А вот мне, скорее, **не** приятно. Что-то в его интонации неоднозначное, но я не успеваю додумать – что конкретно «коробит»: каждый начинает заказывать по меню.

Маринка с Вадимом что-то обсуждают – про местные экскурсии, кажется. Тот показывает какие-то картинки в телефоне, сестра смеётся. Мне не нравится, как он на неё смотрит – оценивающе, с лёгкой насмешкой. Так хочется оградить её от всей этой грязи.

Я заказываю чай с имбирём и лимоном – всегда его беру. Раньше только зимой пила, чтобы не болеть, а теперь – привыкла, идеально бодрит и согревает.

Сестра уговаривает на пирожное, и оно буквально тает во рту, а я не чувствую вкуса. Потому что не дающий мне покоя сосед буквально буравит меня глазами. Просто сидит, забыв про свой заказ, и смотрит, как я ем. Как откусываю, как облизываю вилку. Господи, что за ребячество! У меня кусок в горло не лезет.

Теряюсь настолько, что машинально хватаю пузатую сахарницу и щедро насыпаю в свою чашку с чаем две ложки. Маринка, случайно бросив взгляд в мою сторону, округляет глаза до размеров блюдца. Я же, на полном автомате, начинаю размешивать всё это дело ложечкой.

Ой. Точно. Я ведь не пью с сахаром.

– Вы всегда такая... собранная? – спрашивает вдруг.

– Какая?

– Напряжённая. Будто всё время держите оборону. Переживаете за всех.

Пирог во рту превращается в вату. Что за вопросы вообще?

– А Вы всегда лезете в душу к незнакомым? – огрызаюсь я.

– Вы не просто незнакомая, – он не отводит взгляд.

– А какая же?

– Та, которую я хочу узнать, – в глазах – ни игры, ни кокетства. Только растерянность. Искренняя, почти детская. Я и сама теряюсь.

Делаю большой глоток чая – давлюсь, кашляю. Парень протягивает салфетку, и наши пальцы соприкасаются.

– Это электричество... статическое, – отдергиваю руку, которую буквально закоротило от касания. – Гроза.

– Конечно. Гроза, – он поджимает губы, но улыбка обозначается ямочками на щеках. А воздух и правда – душный, тяжёлый, предгрозовоый.

Маринка что-то шепчет Вадиму, тот смеётся. Я замечаю, как сестра поправляет волосы – явно кокетничает.

– Дождь закончился уже, нам пора, – стараюсь спрятаться от неловкости. – У нас ещё планы.

Парень кивает. Помешивает чай – ложечка звякает о стенку стакана. Я замечаю, что он пил его без сахара. И салфетку, которую мне протягивал, теперь скрутил, как фантик.

– Мы проводим? – спрашивает Вадим, оглядывая меня с ног до головы.

– Не стоит.

Лёва открывает рот, но в этот момент звонит телефон.

– Извините, нужно ответить. – Он отходит на пару шагов, прижимает трубку к уху. Голос становится низким, деловым.

– Да, слушаю... Нет, не забыл... Как договаривались...

Я смотрю на его спину. На широкие плечи и смуглые руки. До безумия странно, но внутри бьётся в такт тревожным мыслям: если он сейчас повернётся, что-то изменится, что-то обязательно пойдёт не так, планы нарушатся.

– Пошли, – шепчу Маринке, – быстрее.

– А как же...? – она кивает на Лёву, который вместе с Вадимом сосредоточился на телефонном звонке.

– Он занят.

Хватаю сестру за руку и почти бегом – к выходу. Не выдержав, оглядываюсь. Лёва выжидающе смотрит мне вслед, прижав телефон к уху. Растерянный. Как будто хочет броситься за нами, но его удерживает разговор и пытающийся вклиниться в него Вадим.

– Ты чего? – вырывается Маринка.

– Не хочу опоздать на концерт.

– Да чего колючая такая? – бормочет Маринка, когда мы заходим в гостиницу.

– Какая?

– Как ёжик. Он ведь тебе нравится!

– С чего ты взяла? – открываю дверь номера.

– А то я не видела, как ты на него смотрела. И он как смотрел. Да его перетряхивало аж, как волновался перед тобой.

– Это от холода.

– Ага, от холода. – Сестра скидывает рюкзак и падает на кровать. – Том, ну хороший же. И красивый. И робеет – это

вообще умилительно. – Она вдруг понижает голос, пытаясь изобразить густой баритон. – «*Вы так красивая, Вам нельзя болеть*».

– Прекращай. Ты вообще не с нами разговаривала вроде. – Прислоняюсь к косяку. – Не надо мне ни хороших, ни красивых. Я не для того сюдаехала.

– Слишком заморачиваешься, – парирует сестра. – Просто живи. Совмещай приятное с полезным.

– Я и живу, – не могу не ответить я. – Так, как должна.

– Кому должна?

Ей. Всем. Она не понимает. Да и не нужно. Просто кому-то необходимо нести ответственность.

В номере долго стою под душем. Вода горячая, почти обжигающая. Я тру кожу мочалкой, будто можно смыть не только дождь, но и мысли. Взгляды. И запах. Хлёсткий, свежий – кажется, он вьелся в мои лёгкие.

– Глупости, – говорю я себе. – Всё это глупости. Завтра мы уезжаем. И ты никогда его больше не увидишь.

От этих слов под ложечкой вдруг холодеет, образуя тягучую, засасывающую воронку. Давлю это неприятное чувство, не нужно мне такого.

Выхожу из душа, заворачиваясь в полотенце. Смотрю на себя в зеркало. Мокрые волосы прилипли к щекам, ключицы торчат, под глазами тени. Красавица, ничего не скажешь.

По отражению от пара и влаги змеится дорожка из капель. И смотрит оно на меня чужими, едва узнаваемыми глазами.

Глава 5.

Вечер опускается на город медленно, но из гостиницы мы выходим уже в сумерках.

Я чувствую себя во всеоружии. На плече висит небольшая, но вместительная кросс-боди, в которой идеальный порядок: матирующая пудра, блеск для губ, телефон, заряженный на сто процентов пауэрбанк, запасные шпильки для волос, таблетки от головной боли, а то у Маринки от жары и шума часто голова болит, ещё влажные салфетки, немного налички и банковская карточка.

– Ты как в поход собралась. – Маринка закатывает глаза, глядя, как я педантично застёгиваю молнию.

– Куртку почему не взяла? – парирую я, оглядывая её лёгкий наряд. – Вечером холодно может быть. У воды тем более.

– Да тепло же! И дождя уже точно не будет!

Небо на западе ещё подсвечено нежно-розовым, но прямо над головой уже раскинулась густая, непроглядная, почти бархатная синева.

– Красота! – крутит головой моя вечная спутница. – Адрес я пробила, тут недалеко совсем. Летняя площадка, говорят, просто шикарная.

Мы идём через парк. Воздух после дневного ливня всё ещё влажный, пахнет озоном и мокрой землёй. Вокруг полно людей – расслабленные парочки, шумные компании, все нарядные, улыбающиеся.

На этот раз я оделась так, чтобы исключить любые сюрпризы. Нормальное платье – лёгкое, но строгое, длиной чуть ниже колена, никаких раздражающих тесёмок, поясков и несуразной бахромы. Волосы стянула в гладкий, низкий пучок, не пожалев шпилек – теперь причёска держится намертво, волосок к волоску. И главное: на ногах удобные, проверенные шлёпки без каблука. Хватит с меня падений.

– Зря ты днём убежала, – снова возвращается к нашей прогулке сестра. – Мальчишки интересные. И как же он, всё-таки, на тебя смотрел, этот Лёва, у меня аж сердце зашлось.

– Слово-то какое – «зашлось»! Тебе точно двадцать? Прямо уж смотрел...

– Как на икону! – усиленно таращит глаза сестра. – Кто бы на мне так завис. Жаль, контактами не обменялись.

– Что-то не верю.

– Ну... – она прячет усмешку. – Вадим дал свой номер. Сказал, если захотим погулять завтра...

– Марина!

– А что такого? Я взрослая! Он нормальный. Не напрягает. Перед поездом будет время.

Ну да. Спорить бесполезно.

Площадка действительно оказывается огромной – это каскад деревянных террас, утопающих в южной зелени. Вокруг высятся тополя, пышные кусты сирени, расставлены какие-то экзотические пальмы в массивных кадках. Сцена расположена на возвышении, и там сейчас суетятся техники,

устанавливая аппаратуру. Между деревьями натянуты ретро-гирлянды, они мерцают тёплым, ламповым светом, создавая уют.

Машинально сканирую пространство, мысленно отмечая, где находится бар, в какой стороне выход и где могут быть туалеты. Профессиональная деформация.

– Ни фига себе, – присвистывает Мари. – Народу – как селёдок в бочке!

И правда. Столики почти все заняты. Мы с трудом находим наш – в углу, у самой ограды. Посетителей полно, а официантов почти нет. Кто-то громко смеётся, музыка из колонок – не концертная, фоновая – добавляет суеты.

– Так, надо перекусить, – я беру меню. – Можем и по коктейльчику взять, раз уж отдыхаем.

– О! Это я одобряю! – сестра хлопает в ладоши.

Нам удаётся выловить пробегающего мимо официанта. Молодой парень с покрасневшим лицом расторопным не выглядит.

– Девушки, вы бы напрямую на баре заказали, – говорит устало. – У нас сегодня аврал, не все официанты выйти смогли, кухня успевает только на закуски, и то – ждать час минимум.

Марина округляет глаза.

– Это прикол такой? Мы полчаса ждали, пока вы подойдёте, а теперь ещё и идти самим?

– Извините, – без малейшего сожаления отвечает парень

и тут же сбегает к соседнему столику, где кто-то только что со звоном разбил графин томатного сока.

– Ну и обслуживание! – возмущается сестра. – Пойду, наверно, да?

– Сиди, – останавливаю её. – Сама схожу. Потеряешься ещё или не то принесёшь.

Бар находится в отдельной деревянной постройке, похожей на открытую летнюю кухню. Я дожидаюсь своей очереди, изучаю коктейльную карту. «Пина-коллада», «Мохи-то»...

– Коктейлей нет, – недружелюбно отрезает бармен, протирая стойку. – Лёд кончился и эти, ингредиенты. Можем морс предложить и чачу. Сами смешаете, как вам надо?

– Чего? – Я зависаю.

Кажется, лучше этот вечер уже не будет. Я почему-то абсолютно уверена, что дело не в мифических ингредиентах – на полках за его спиной отлично видны и стройные ряды сиропов, и содовая, и дорогой алкоголь. Наверное, не только официанты не вышли на смену, но и настоящие бармены.

– Чача. Сами из винограда делаем. С морсом – вкусно будет. Ну или пива возьмите, – равнодушно предлагает парень.

Морс с чачей. Такого я точно ещё не пробовала. Но можно ведь разбавить по сильнее и на весь вечер растянуть.

– Давайте, – сдаюсь я. – Только морса побольше, а чачи... Нас две девушки, и мы не пьём практически.

– Сделаю, – бармен равнодушно кивает и скрывается за

стойкой.

Через пять минут я уже несу к нашему столику на подносе свою «добычу»: два пустых стакана, литровый кувшин морса и пузатый графинчик с прозрачной чачей.

– Что-то не похоже на коктейли, – Марина, ничуть не расстроившись, суёт нос в графинчик. Морщится от резкого спиртового запаха и тут же спрашивает, уже щедро плеская в стаканы алкоголь. – И мешать самим?

– Полное самообслуживание. Это чача. Сказали, с морсом вкусно будет.

– За приключения? – сестра поднимает бокал.

– За то, чтобы их сегодня больше не было, – бурчу я, с опаской отпивая напиток.

Крепко. Очень крепко. И сладко-терпко. Во рту мгновенно появляется странное покалывающее чувство: на языке ещё чувствуется ягодная сладость морса, но горло тут же начинает гореть, будто я вдохнула пламя костра. Тепло стремительно проскальзывает по пищеводу и разливается густым, расслабляющим жаром в груди. Ничего себе эффект!

– Вкусно! – сестра одобрительно кивает. – А приключения – это ведь самое интересное. Вон, смотри, начинается!

На сцену выходят танцоры – местный ансамбль в пёстрых костюмах. Концерт официально начался, но музыкант, очевидно, будет позже. Я откидываюсь на спинку стула, чувствуя, как чача разгоняет по венам приятную тяжесть, и допиваю свой стакан, плеснув туда побольше прохладного мор-

са.

– Ещё?

– Ты чего разошлась? – пытаюсь остановить.

– Да расслабься ты наконец! – она вновь смешивает наш суровый «коктейль», явно перебарщивая с чачей. – Пей. Завтра не на работу! Не всё же тебе за всех думать.

– А кто ещё будет? – по привычке возражаю я, но почему-то послушно беру стакан.

К танцорам присоединяется гибкая, подвижная девушка. Маринка окрещивает её почему-то «Прытко Пишущим Пером»². Странное сравнение, конечно, но танцовщица и правда... прыткая. Хохочем.

На сцене появляется странный диджей: музыка теперь буквально трансовая. Видимо, так маскируют то, что главный артист задерживается. Еду так и не приносят, но голод уже не мучает – желудок щедро заполнен самодельным алкогольным коктейлем.

– Где тут туалет? – хочется умыться.

– Вон там, в глубине сада, – показывает официант, проходя мимо.

Я встаю. Ноги слушаются, но голова слегка кружится. Протискиваюсь между столиками, выхожу на дорожку. Она выложена старым кирпичом, сквозь щели пробиваются сор-

² **Прытко Пишущее Перо** (англ. *Quick-Quotes Quill*) — тонкое длинное волшебное перо ядовито-зелёного цвета, которым пользуется Рита Скитер из «Гарри Поттера» Дж. Роулинг для написания своих статей и книг.

няки. Непорядок, но даже красиво. Иду по ней между деревьями, лампочки гирлянд освещают путь. Туалет оказывается в отдельном домике, за ним – служебные постройки, сцена со стороны кулис, кусты сирени в человеческий рост. Из-за них здесь темнее.

Захожу. В зеркале – девушка с алыми щеками и растрепавшимся пучком. Одна шпилька выпала – я её не заметила, когда шла.

– Хорошо, что взяла, – говорю себе, доставая запасную из сумки.

Поправляю волосы. Бумажным полотенцем промакиваю умытое лицо и всматриваюсь в сверкающие алкогolem, испуганные какие-то глаза.

– Ты чего? – шепчу отражению.

Выхожу на улицу и понимаю, что единственный фонарь над кирпичной дорожкой погас. Класс. Темнотища – хоть глаз коли. Кусты чернеют со всех сторон непроницаемой стеной, только от кулис неверный, рваный свет.

Делаю шаг. Другой. И мои верные, удобные шлёпки предательски проскальзывают по влажной после дневного дождя траве, выросшей на кирпичках.

Я лечу вниз.

Успеваю только инстинктивно выставить руки вперёд. Так и приземляюсь – с размаху, на четвереньки, прямо на жёсткий кирпич. Ладони обжигает острой болью, коленки саднит так, что на глаза наворачиваются злые слёзы.

– Да чтоб тебя! – шиплю я, пытаюсь встать.

– Эй, – раздаётся глубокий голос из темноты. – Помочь?

В мою сторону кто-то быстро идёт. Сначала я не вижу лица – только силуэт. Крупный. А потом человек попадает в полосу тусклого света от кулис.

– Лёва?

– Тамара? – Он явно ошарашен. – А ты... Ты здесь как?

– Я... концерт. – какой глупый диалог. – А ты?

– И я. – Он мгновенно приседает рядом со мной. И, заметив моё недоверчивое выражение лица, начинает сбивчиво, торопливо оправдываться: – Я не следил, честно. Меня... позвали... Дай посмотрю.

Он осторожно, но твёрдо берёт меня за руку. Переворачивает ладонью вверх. В темноте плохо видно, но я и так чувствую – липко. Содрала прилично.

– Ох, – сочувствующе морщится Лёва. – Сильно. Надо обработать. Пойдём.

– Куда?

– Тут подсобка. Я видел, когда не стемнело ещё. Там свет. И аптечка наверняка есть.

Помогает встать. Я опираюсь на него – он напряжён, но ведёт аккуратно.

Мы сворачиваем за угол. Там и правда обнаруживается маленькое помещение, похожее на склад инвентаря: нагромождение ящиков, сложенные стулья, старый, пыльный стол по центру. В углу раковина. А на стене – заветный красный

крест на жестяном шкафчике.

– Садись, – командует тихо. Открывает аптечку, достаёт перекись, бинты.

Парень опускается передо мной на корточки и берёт мою саднящую ладонь в свою. Пальцы у него сухие, горячие, огрубелые, и от этого контраста с раненой кожей внутри меня снова зарождается та самая вибрация. Меня колотит нервной дрожью, и я уже не понимаю – от боли, от чачи или от этого непонятного волнения.

– Очень больно? – парень ведёт смоченной в перекиси ваткой по ранке на ладони и внутренне подбирается, напрягается всем телом, когда я со свистом втягиваю воздух сквозь зубы от резкого жжения. – Подуть?

И дует, мать его так. А я ведь не просила и не кивала даже на этот неуместный вопрос. Что я, маленькая девчонка с разбитой коленкой, чтобы мне на ранку дуть?! Фух. Жарко. Боже, как же жарко. Больше никогда не буду пить эту проклятую чачу.

Не реагируя на моё молчаливое негодование, Лёва сосредоточенно обрабатывает одну ладонь, потом вторую. Поднимает на меня глаза:

– Колени покажи.

Я послушно, чувствуя себя абсолютно неловко, сдвигаю ткань платья вверх, обнажая ноги. На коленях ссадины, тёмная, запёкшаяся кровь. Парень смачивает новую ватку, прикасается к ране. Жжёт ещё сильнее. Я невольно вздрагиваю,

дёргая ногой.

Он мгновенно скидывает взгляд. В его глазах – кривое отражение моей боли.

– Терпи, хорошая, – вдруг вырывается у него низким шёпотом.

– Как ты здесь оказался? – спрашиваю я первое, что приходит в голову, просто чтобы отвлечься от его пальцев на моей коже.

– Я... работаю. М-м... – Он не поднимает головы, избегая моего взгляда. Заклеивает ранку пластырем. – Вы убежали днём. Я хотел догнать, но звонок...

– Важный?

– Да. Очень. Но я всё равно хотел ...

Он замолкает на полуслове. Пластыри наклеены, но он не отпускает мою ногу. Его рука остаётся на моей щиколотке. Он упорно сверлит глазами свои собственные пальцы на моей коже. И вдруг начинает гладить косточку лодыжки – медленно, едва ощутимо. Но от этой невесомой ласки во мне, замешиваясь на чаче, расходится колкий огонь.

– Лёва? – зову я так тихо, что едва слышу сама себя.

Он поднимает голову. В полумраке его глаза – два светлых пятна. Ресницы отбрасывают тени на скулы. Я вижу каждую крапинку в радужке, вижу, как расширяются, будто чернильные капли, зрачки, как загорается взгляд. В этих глазах – столько невысказанного, будто заглядываешь в колодезь июльской ночи: и тянет туда, и жутко, и перехватывает горло

от этой жаждущей пустоты. Так много всего, что выдохнуть не получается. Душно.

– Тамара, – выдыхает за меня пареньь.

Я даже не понимаю, в какой момент он оказывается совсем близко, у самого моего лица. И... целует.

Сразу жадно, будто боялся, что не успеет. Губы горячие, сухие, пахнут чаем и мятой. Чувствую тепло его дыхания.

Поцелуй меняется – из стремительного становится лёгким, осторожным, исследующим, будто он боится меня сломать неосторожным движением.

Все звуки стираются. Остаётся только ритм его тяжёлых вдохов, под который невольно подстраивается моё тело.

Его большие руки стискивают мои плечи. Потом скользят ниже, на талию. И я... отвечаю. На всё. На эти жадные объятия, на касания губ. Теряю счёт времени, здравый смысл, контроль. Алкоголь шумит в голове, кровь оглушительно стучит в ушах, всё смешивается с нашим общим, рваным дыханием.

Я чувствую, как его сильные пальцы зарываются в мой идеальный, строгий пучок. Как они нетерпеливо вытягивают шпильки. Волосы тяжёлой волной рассыпаются по спине, и я слышу – сквозь гул в ушах – как шпильки падают на пол, тихонько позвякивая. И это так щекотно, так запредельно чувствительно... И я не хочу, чтобы прекращалось.

Лёва отрывается на секунду – посмотреть на меня. В глазах – удивление, будто сам не верит, что это происходит. И я

тоже не верю. Мой взгляд, должно быть, абсолютно пьяный и шальной.

Вскидываю руку и провожу подрагивающими пальцами по его скуле. Жёсткая щетина колется – остро, приятно. Он закрывает глаза на эту ласку, всего на секунду, его ресницы мелко подрагивают. Когда открывает их снова – я вижу в них то, от чего совершенно разлетаются мысли. Отчаянное желание и... трепет?

– Поцелуй, – хриплю я. И сама пугаюсь своих слов. Своего голоса.

Он не медлит. Но целует сначала в разгорячённую щеку. Потом в чувствительную ямочку прямо под нижней губой. Я до боли её закусываю, чтобы не издать постыдный стон. А он вдруг расплывается в улыбке – короткой, почти неуверенной – и снова накрывает мой рот своим.

Горячо. Влажно. Мозолистая ладонь скользит по моей спине, собственнически притягивая вплотную к его груди. И мне не стыдно. И не страшно. Только жарко.

Новый поцелуй становится глубже. В нём больше нет никакой осторожности. Только голод. Что-то неотвратимое, настойчивое, тёмное поднимается от низа живота, сжимает грудную клетку, заставляет мои пальцы до синяков впиваться в его плечи.

Губами ощущаю, как в его горле рождается неконтролируемый, едва слышный звук – на стыке тяжелого выдоха и сдавленного полустона. Низкий, рождающий во мне сладкую

дрожь. Меня накрывает с головой. Платье давно задралось, обнажив бёдра. Его широкая ладонь на моей ноге дезориентирует меня, фиксирует ту границу, которую мы оба прямо сейчас готовы переступить.

Он целует мою шею. Я чувствую, как внутренности наливаются сладкой тяжестью, кажется, будто кто-то сильно тянет за невидимую нить от пупка вниз. Хочется инстинктивно сжать бёдра, но они меня не слушаются. Пальцы немеют. Я судорожно хватаюсь за ткань его рубашки, комкаю её в кулаках, просто чтобы удержаться в реальности. Он целует открытую ключицу, и я выгибаюсь навстречу – внутри закипает что-то настолько горячее, почти болезненное, что я боюсь сломаться, если он остановится.

Снова целует – нежно, воздушно, в уголок губ, в щёку, в мочку уха. Потом возвращается к губам. Его пальцы – в моих волосах, тянут, и я чувствую, словно прохладными ручейками по всем чувствительным местечкам стекает ток. Мои руки сами скользят под его рубашку – спина горячая, мышцы перекачиваются под кожей.

Наши дыхания смешиваются. Он пахнет так, что кружится голова – от чачи, от грозовой свежести, от терпкого дыхания. Не различаю. Чувствую только жар ладоней, ритм сердца – такой же бешеный, как мой, тяжесть бёдер, прижатых ко мне и очевидную твёрдость там, где он даже не пытается отстраниться. Уверена, просто не может. Мне бы смутиться. Отодвинуться. Но и я не могу.

Ещё немного – и я потеряю себя окончательно. Ещё немного – и соглашусь на всё, что он предложит, перестану быть той, кем должна быть. Стану... Кем?

– Лёва...

И в эту секунду дверь подсобки с резким скрипом открывается.

– Лёва, чёрт, ты где? – зычный голос Вадима бьёт по ушам. Мужчина замирает на пороге.

Я чувствую, как резко, до боли сжались пальцы Лёвы на моей талии. Он не отпускает меня – но и не двигается. Только его сбитое дыхание медленно, с усилием выравнивается.

Вадим быстро, цепко нас оглядывает. Я – на столе, тяжело дышу. Мы оба растрёпанные, оглушённые, пойманные с поличным. Глаза вошедшего – мелкие, колючие, бегающие – будто сальными пальцами ощупывают. Останавливаются на растрёпанных волосах, на заклеенных пластырем ладонях, на задранном подоле платья.

– О, – тянет Вадим. И оскаливается. Медленно, с каким-то тошнотворным пониманием. – А я думал, ты по делу. Оказывается, у нас тут... кино для взрослых.

Лёва отмирает. Он подхватывает меня за талию и аккуратно ставит на ноги. Пытается одёрнуть моё платье, поправить свою сбившуюся рубашку – но пальцы слушаются его плохо.

– Вадим, я... – голос Лёвы заметно севший.

– Выходи, – грубо перебивает тот. – Тебя ждут. Давно. Я обыскался. И, – он снова оскалил зубы, стрельнув глазами

куда-то ниже, – приведи себя в порядок. А то нехорошо на люди вот так.

Лёва сжимает челюсти, кивает. И смотрит на меня. В его тёмных глазах – дикая смесь вины, нежности, отчаяния и ещё чего-то... нерастраченного, что всё ещё искрит и пульсирует между нами даже на расстоянии.

– Я должен, – говорит он тихо, только для меня. – Извини.

И уходит, не оборачиваясь. Вадим усмехается и выходит за ним.

Дверь хлопает.

Я остаюсь одна. В тишине.

Меня колотит. Губы горят огнём, ладони противно тянет под пластырем, колени ноют. Платье в пыли. Волосы спутанной массой рассыпались по плечам. Я поворачиваю голову и в мутном, треснувшем зеркале, которое висит на стене, вижу себя.

Что я только что делала? С незнакомцем. В пыльной подсобке.

Я. Тамара Фадеева. У которой вся жизнь расписана по минутам, у которой завтра в семь утра онлайн-совещание по сметам даже здесь, в этом проклятом «отпуске»?

Когда такое вообще было? Разве это я?! Я, которая всегда, в любой ситуации знает, что делать. Которая выстраивала свою репутацию и жизнь по кирпичику, по миллиметру. И вот так рухнула в объятия первого встречного... за одну минуту.

Меня буквально подбрасывает от накотившей паники.

Я выбегаю из подсобки на воздух. На улице уже совсем темно, но ноги сами несут меня к нашему столику. Дорогу нахожу мгновенно – будто автоматический навигатор включился.

– Ты чего? – Маринка буквально сканирует меня взглядом, когда я падаю на стул. – Том, ты красная как рак! И волосы... шпильки где? Что случилось?

– Ничего, – я хватаю со стола свой стакан с остатками чаи, залпом, не чувствуя вкуса, вливаю в себя и утираю рот тыльной стороной ладони. Ай. Пластырь задела.

– Ничего себе – «ничего», – сестра косится на меня с явным подозрением. – Ты там в туалете подралась, что ли, с кем?

– Там... Лёва... – я бессильно прикрываю глаза, понимая, что не смогу соврать.

– Лёва?! – сестра аж подпрыгивает на стуле, её глаза загораются. – Он тебя нашёл? Вот это мужик! Даже номера не знал, а в этой толпе нашёл! И что... Поцеловал, да? Да! Капец, да по тебе же всё видно! Не то что твой Серёня – цветы строго по расписанию и секс по графику.

– Прекрати! – шиплю я. Мне душно, маетно и невыносимо стыдно.

– Не прекращу! Ты его целовала? Целовала! Я же вижу! И он тебя! Это судьба, Том!

Я открываю рот, чтобы осадить её – и не могу произнести

ни звука.

Серёжа.

Кровь отлила от лица так быстро, что зашумело в ушах.

Я... забыла о Сергее.

Совершенно. Начисто. Как будто его стёрли из моей памяти. За весь этот сумасшедший день ни разу о нём не вспомнила.

Как такое вообще возможно? Что я за человек такой? Не вспомнила о собственном парне, с которым встречаюсь почти год. Ни когда Лёва заплетал мне косу на катере, ни когда укрывал пиджаком, ни в кафе, глядя в его глаза. И уж тем более не сейчас, в подсобке. Как отрезало.

Меня накрывает резким приступом тошноты. Желудок болезненно скручивает спазмом. Хмель от чачи уходит мгновенно, испаряется – будто весь алкоголь из моей крови откачали шприцем. На лбу выступает холодная липкая испарина.

Тост не сработал. Не вышло без приключений.

– Том? – Маринка пугается, хватая меня за ледяную руку. – Бледная какая стала. Том, ну прости, я не хотела. Случайно о нём вспомнила, брякнула не подумав.

– Ничего, – шепчу я деревянными губами. – Ничего. Это я виновата.

Перед глазами всё плывёт. Я забыла... Из-за кого? Из-за красивого незнакомца в подсобке?

«Ты – отвратительна, – говорю я себе. – Эгоистка, кото-

рая думает только о себе. Забыла о человеке, который тебя любит. Который ждёт. Который ни в чём не виноват».

Сцена вспыхивает светом.

[ТРЕК: PARADISE - BLVCK PUMV, MVDNES]

Глава 6.

– Добрый вечер, дорогие гости! – усиленный динамиком голос ведущего разносится над летней площадкой, безжалостно врезаясь в мои и без того натянутые до предела нервы. – Мы рады представить вам главного гостя сегодняшнего вечера! Музыкант из солнечной Грузии, который решил начать свой концертный тур по России именно здесь, на родине своей матери. До сегодняшнего дня он выступал исключительно инкогнито – никто не видел его лица. Но сегодня завеса тайны спадёт! Встречайте – Лев’ани Бериа!

Ослепительный луч прожектора прорезает темноту сцены, выхватывая из мрака одинокий силуэт с гитарой. Лица по-прежнему не видно – его скрывает глубокая тень от низко надвинутой шляпы. Музыкант плавно опускается на высокий барный стул. Пальцы касаются струн, и...

Первая же композиция накрывает меня с головой. Она медленная, невероятно чувственная, почти гипнотизирующая. А потом вступает голос.

Низкий. С той самой сводящей с ума, царапающей хрипотцой. Этот звук не просто летит по воздуху – он сотнями раскалённых иголок прокатывается вдоль моего позвоночника и оседает приятной, парализующей тяжестью где-то

глубоко в груди.

По ощущениям похоже на то, как порой басы очень мощных акустических систем отдаются прямо во внутренних органах: когда музыка не просто громкая, а обладает таким потрясающим диапазоном, что создаёт высокое звуковое давление на само тело.

Голос разливается тягучей, тёмной патокой. Он буквально лишает воли, мягко, но настойчиво застилая сознание и наполняя каждую клетку какой-то неизъяснимой, пугающе-волнующей истомой.

Бархатный. Обволакивает, гладит. Вибрирует. Мурашками прямо в душу куда-то пробирается, бьётся о грудную клетку и с сердцем резонирует.

Я замираю, перестав дышать.

Ведь сегодня я его уже слышала. Совсем близко.

Тот же голос. Тот же тембр, от которого щекотно рёбрам. Но сейчас он принадлежит не мне.

Свет на сцене становится ярче. Теперь фигура видна чётко. Музыкант медленно снимает шляпу, привычным, уже знакомым мне жестом проводит рукой по волосам – густым, чёрным, чуть тронутым сединой у висков.

– Офигеть, – хватает меня за предплечье сестра. – Том... это же...

Лёва.

Тот самый Лёва. Который дул на мои сбитые коленки. Который всего несколько минут назад сжимал мои бёдра и це-

ловал до потери пульса в тёмной подсобке.

Ле-ва-ни.

Я смотрю на залитую светом сцену. И физически чувствую, как деревянный настил террасы уходит у меня из-под ног.

– Том, – испуганно шепчет Маринка, дергая меня за локоть. – Ты в порядке?

– Нет, – отвечаю я абсолютно честно. – Не в порядке.

Потому что всё, во что я свято верила всю свою сознательную жизнь – жёсткий контроль, чёткий план, незыблемая стабильность, – прямо сейчас разлетается в прах от одного звучания этого голоса. От осознания собственного безумия.

Потому что я предала. Потому что я, оказывается, совершенно не та, за кого себя выдаю. Во мне дефект. Трещинка внутри. Маленькая, едва заметная, но она есть. И я знаю: если не убегу сейчас, она станет больше.

* * * * *

Смутно помню, как уходили с едва начавшегося концерта.

Всё слилось: мелькание жёлтых гирлянд, силуэты смеющихся людей, духота южной ночи.

В гостиницу влетели как ошпаренные. Маринка закрыла дверь, прислонилась к дверному полотну и выдохнула:

– Том... это ведь он.

– Знаю, – отрезала я и скинула шлёпки.

– И он тебя целовал... А потом вышел на сцену и пел. Ты понимаешь, что это значит?

– Ничего это не значит.

– Как – ничего? – она всплеснула руками. – Ты целовалась... типа с рок-звездой!

– С какой, на фиг, звездой? Он просто музыкант.

– Который выступал инкогнито три года! Которого все ищут! Который... – Маринка осеклась, глядя на моё лицо. – Том, ты плачешь?

Я не плакала. Но глаза щипало, и я тёрла их кулаками, желая стереть сегодняшний день.

– Ничего я не плачу. Просто... какого чёрта? Почему он не сказал?

– А что он должен был сказать? «Здравствуйте, я популярный артист, давайте целоваться»?

– Не передёргивай, – всхлипнула я. – Не знаю. Всё. Забудь. Этого не было.

Я судорожно стянула через голову это проклятое, пропахшее чужим парфюмом платье, переделалась в пижаму и легла на кровать, уткнувшись пылающим лицом в прохладную подушку. Маринка ещё что-то увлечённо болтала – про судьбу, про какие-то знаки Вселенной, про то, что такие совпадения игнорировать нельзя. Я не слушала.

Потому что в голове крутилось другое: Сергей. Вспомнила о нём, только когда Маринка спросила. За весь день – ни звонка, ни сообщения.

Вина навалилась – удушающе тяжёлая, физически липкая, как тот самый влажный воздух после ливня. Мы так дав-

но встречаемся. Он хороший. По-настоящему. Заботливый. Поздравляет с каждым праздником, помнит каждую мелочь, вроде того, что я не выношу кофе. Ни разу в жизни не повысил на меня голос, не забыл ни о чём важном. С ним всегда хорошо. Спокойно. Предсказуемо. Он никогда не давит, не требует от меня больше эмоций, чем я готова или способна дать. Может просто тихонько сидеть рядом, когда у меня тяжёлый день, и молча держать за руку. И никогда не опаздывает.

Сергей – тот, кто мне нужен. С ним правильно, надёжно. Господи, рассуждаю, как конченная эгоистка.

Не выдержав тяжести собственного бездействия, резко сажусь на кровати. Маринка на соседней постели уже мерно сопит – уснула, зараза. А я трясущимися руками достаю телефон.

В непрочитанном: «Как день? Добрались? Уже скучаю».

Противно от самой себя. Я кое-как, промахиваясь по виртуальным клавишам, напечатала ответ. Стерла. Снова напечатала.

«Всё хорошо. Завтра созвонимся». И смайлик. Чтобы не написать, какая я сволочь.

Бросила телефон на тумбочку, снова легла и остекленевшим взглядом уставилась в потолок. Как, чёрт возьми, уснуть, когда стоит только закрыть глаза – тут же всплывают крупинки золотого песка в дурманящей радужке? Когда кожа на талии горит от чужих грубых ладоней, а на затылке всё

ещё ощущается жёсткая хватка его пальцев? Когда в ушах стоит сорванное, горячее дыхание?

– Твою же... – в отчаянии шепчу в пустоту и с головой накрываюсь подушкой, пытаюсь задушить в себе эти ощущения.

* * * * *

Утром мы собрались молча.

Вечерние билеты удалось сдать, теперь мы успевали на более ранний поезд. Совершенно не осталось сил продолжать «отдых». Сестра, как ни удивительно, возражать не стала.

Маринка пила кофе из автомата в коридоре, а я перепроверяла сумку: билеты, документы, вещи, зарядка – всё на месте. Мне всё казалось, если сложить всё идеально ровно, то и внутри меня успокоится перманентная рябь.

В поезде я села у окна, достала ноутбук, открыла рабочие таблицы.

– Ты чего? – сестра заглянула в экран. – Ещё ведь не кончился отпуск.

– Надо сдать отчёт по прошлому проекту. И проверить бюджетные калькуляции на следующий квартал. Шеф хочет видеть разбивку по каждой статье – от аренды площадок до форс-мажорного резерва.

– Том, ну отдохни немного.

– Уже отдохнула, – с горькой, злой усмешкой хмыкнула я.
– Достаточно.

Она вздохнула, надела наушники и отвернулась.

Я работала. Строчила письма, сводила бюджеты, правила презентации. Пальцы летали по клавиатуре, глаза постепенно стекленели от синего экранного света. Это помогало.

Но, как только закрывала ноутбук – в голову лезло. Шёпот «хорошая», пальцы, заплетавшие косу, руки...

И мерзкая, всё понимающая ухмылка Вадима. Уж он-то мгновенно понял, никакая я не «хорошая».

– Всё, – с силой выдохнула я, сжимая кулаки. – Забыли. Алкоголь. Жара. Глупость.

Глава 6 Sait Midikhar Spektaklidan "Khanuma" – Giya Kancheli

[ТРЕК: Sait Midikhar Spektaklidan "Khanuma" – Giya Kancheli]

Глава 7.

Москва встретила отрезвляюще. Здесь не было одуряющего запаха влажной земли и надвигающейся грозы. Пахло мокрым асфальтом, выхлопными газами и крепким американо из сетевых кофеен. Моя территория. Мой выверенный до миллиметра мир, где всё подчинялось законам логики, а не стихийным импульсам.

Я с головой рухнула в работу. Бралась за всё: просроченные отчёты, новые тендеры, капризные клиенты. Загружала свой график так плотно, чтобы между встречами, созвонами и проверкой смет не оставалось ни единой секунды на тишину. Потому что в тишине на меня немедленно обрушивались фантомные запахи, а ладони начинали предательски гореть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.